

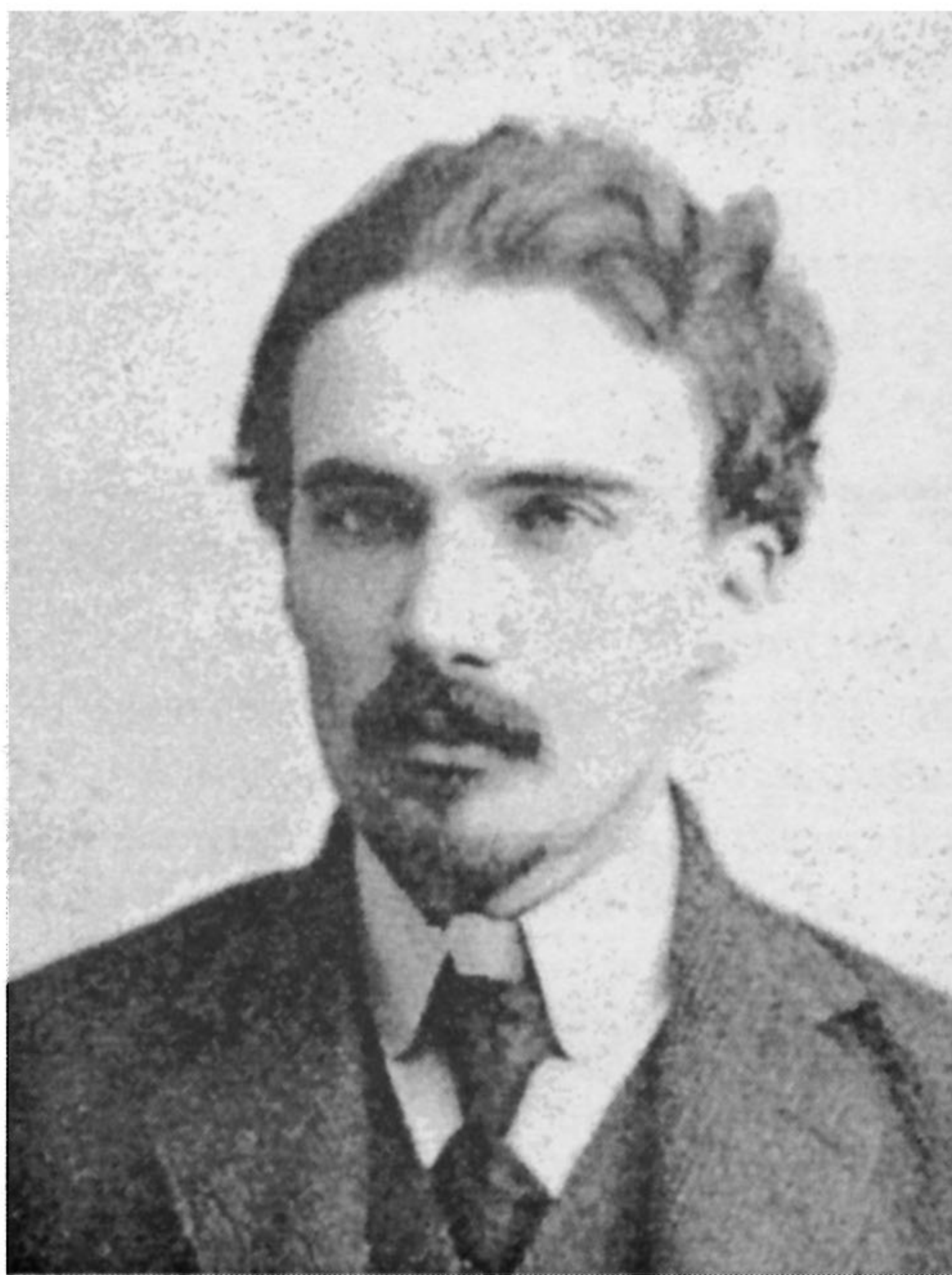
Национальное дело согласно Георгию Федотову

Георгий Федотов, 50-летие со дня кончины которого отмечалось в 2001 г., так определил свою главную жизненную задачу: быть русским христианином, быть православным, способным разглядеть и явить другим людям высший лик России, ее «идею», ее будущее. И практически работать над возрождением России. «Лицо России» нужно раскрыть, несмотря на все искажения, внесенные историей и революционной смутой, разглядеть, чтобы правильно определить предстоящее служение России.

«То, что мы можем уже сейчас ставить своей задачей, — это работа над новым национальным сознанием. У нас есть незыблемое начало — Православие. Есть изменчивая, становящаяся, постигаемая нами материя — Россия в ее исторической жизни... Мы хотим подчинить служение родине — служению ее «идее», «интересы» России — ее призванию. В национальном сознании должна быть восстановлена законная иерархия ценностей» (1, т.1, с.124-125). Главным мотивом действия должна стать вера в Россию и *«просветленная во Христе любовь к России»* (с.125). Любить и Святую Русь, и Великую Россию — таков выбор Г.Ф. Без подвига Россию нам не спасти, не отвоевать у антихристианских сил отпавшие от Церкви массы, не совершить нового крещения Руси.

Ясно, что, поставив так свою главную жизненную задачу, Г.Ф. вступил в конфликт, во-первых, с леворадикальным нигилизмом во имя святынь веры, во-вторых, с теми, кто имел политически амбициозные планы, в которых Православию отводилась роль чего-то служебного, идеологического, как это, например, в евразийском движении. «Евразию» он поставил в один ряд со словами вроде «СССР», которые просто *«стирают имя России»* (с.173) с географической карты и из памяти народа. В-третьих, неизбежен был конфликт и с представителями внутрицерковного обскурантизма во имя подлинно христианской культуры, а, в-четвертых, с национализмом во имя христианского патриотизма и духовного возрождения России. *Национальное дело возрожде-*

ния России, а не национализм, — это рефрен многих статей Г.Ф., написанных в 30-е гг. Объединение всех мыслящих патриотов, включая и выходцев из интеллигенции, вокруг Православия для созидательной национальной работы — к этому он призывал не только русских эмигрантов, но и всех, кто будет готовить духовное возрождение России после падения коммунизма.

В цикле статей 1931 г. *«Проблемы будущей России»* Г.Ф. писал о национальном деле созидания Великой России. Русский народ, писал он, *трезв и мудр*, способен браться за такую задачу и отдать ей свой труд. Безумие не является национальной традицией России. Г.Ф. трезво оценивал, что в национальных стремлениях переплелось и высокое, и низкое. В XX в. больше низкого, а в XIX в. высокого было больше и это работало на культурный подъем. В XX в. национальные стремления повсюду оторвались от христианского корня и превратились в национальные интересы, разделяющие народы. Но Россия, считал Г.Ф., еще не исчерпала своих воз-

можностей быть многонациональной страной и, более того, быть независимой экономически от окружающих стран.

Нужна разумная и честная власть, чтобы не загубить Россию. *«Нельзя быть уверенным, но позволительно надеяться»*, что такая власть будет (с.231). Нужно отвергнуть соблазн интернационализма и всякого революционного максимализма, правого или левого, включая и фашизм. *«Мы объявляем беспощадную борьбу доктринерам и максималистам, чьим бы именем они ни прикрывались»* (с.232).

Власть скорее всего будет диктатурой. *«Демократия сейчас в России возможна лишь с методами диктатуры»* (с.257). Во имя единства нации придется отказаться от свободной политической борьбы, иначе велик риск междоусобия. Диктатура не будет считаться с народной волей, она не будет избрана. Она будет единоличной, партия может иметь лишь вспомогательную роль. Едва ли она будет фашистской — для фашизма нужно огромное

народное волнение, разжигание страстей, раздувание нового пожара, но все устали от демагогий, хотят покоя. Г.Ф. предпочел бы диктатуру как переход к демократии: *«Благо России — как мы его понимаем — в том, чтобы грядущая диктатура имела демократическое содержание. Это значит, поставила бы своей целью привести народ к демократии»* (с.260). Короче — сделать себя ненужной.

Но шансы демократии невелики. В конце концов, демократический дух проиграет *«мистике монархизма»*. Г.Ф. не прочь был связать демократическую республику с русской духовной традицией, дать ей религиозное освящение. Какое? — Через Библию, через идеалы соборности, призвать на помощь *«пафос соборности Божьей воли, которая говорит в истории столь же гласом народа, как и устами царей»* (с.265), опереться на что-то от *«православного народоправства Новгорода»* (с.264). Но отрицательная реакция на революцию велика и наверняка оттеснит демократические силы: *«Завоевание реакцией самых ответственных духовных постов нации — обычный удел общества, вышедшего из революции»* (с.265).

Основная борьба в России после падения коммунизма — это *борьба реакции с революцией*. Она будет длительной и жестокой. Уже в XIX в. самые сильные умы России были в стороне от революции. Герцен, Некрасов, Белинский, Чернышевский и др. все вместе явно проигрывали уже тогда одному лишь Константину Леонтьеву. (Вспомним, что слово «реакция» у К. Л. имело положительный смысл). Революционеры претендовали на продолжение дела Петра, восстав против созданной им империи. Они могли предъявить тогда только героический подвиг, «сознательность», но с культурным убожеством и циническим попранием всех святынь. Реакция на них тогда не было во всех отношениях адекватной. Теперь тысячелетняя традиция России выступит против столетия революции: *«Столетие против тысячелетия всегда осуждено как дерзкий бунт, беспочвенный и бесполезный»* (с.268). Нужно однозначно выбирать между Николаем I и Герценом, Александром II и «Народной волей», Николаем II и Лениным.

В недрах России произошла национализация революции — это, увы, факт, как бы к нему ни относиться (с.269). Может быть, крестить революцион-

ную идею, а заодно и христианизировать республику и демократию, чтобы спасти их? Но захочет ли Церковь? Это ли выберет? Едва ли. Тогда имеет реальный шанс монархия — признавал Г.Ф., не имея к ней личных симпатий. *«Но монархия не может жить без монархического сознания»* (с.262). Здесь нужно иметь глубокое мистическое чувство того, что власть — от Бога и несет перед Богом ответственность, а также иметь любовь и верность

к традиции. Хуже всего, если это будет временная чисто внешняя реставрация в духе последних десятилетий перед революцией. Это несет огромную политическую опасность для России. Другой вариант: *«Старая славянофильская мечта о народном царе может воскреснуть с возрождением церковности и романтикой православного быта»* (с.266). Но реализация такой мечты, писал Г.Ф., убьет ее. Нужна сильная

древняя монархия, сильная авторитетом, способная осуществить политику социальных реформ. Если она это сможет, тогда будет принята честными людьми всех оттенков, которые объединятся с ней. Ясно, что это должны быть Романовы.

Нужны определенные социальные и духовные силы, на которые монархия сможет опереться, чтобы преодолеть немалое сопротивление. Необходимо сильное сверхнациональное государство в многонациональной стране, нужно расширить русское национальное сознание до российского. Хорошая монархическая династия должна и способна обойтись без шовинизма. *«Династия всегда менее национальна, чем народ»* (с.261), она даже лучше поймет национальные интересы каждого народа, чем националисты. *«Россия примет всякую власть, которая придет на смену большевиков, не справляясь о ее правовых титулах»* (с.234). Но надо считаться и с тем, что в России будет принята власть, которая обеспечит стабильность и минимум свобод — бытовой, хозяйственной, культурной, короче, гражданской. Первое, что она должна будет сделать, — это экономическое освобождение народа, затем — решение национальной проблемы. В частности, необходимо прочное закрепление земли за крестьянством. Это важнее, чем реставрация помещичьей собственности.

Не должно быть бездумной поспешной приватизации: *«Если дорожить экономической мощью русского государства, его влиянием на общую хозяйственную жизнь страны, то нельзя, увлекаясь духом антикоммунистической реакции, разделявать*

«В годину величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России. Пусть для других звучат насмешкой слова о ее славе. Пусть озлобленные и маловеры ругаются над Россией как страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она была, Великая Россия. И она будет.»

все сделанное, разбазаривать, раздарить или продать с торгов все государственное достояние России. Здесь национальный интерес ограничивает чисто экономическую логику» (с.237). Государству предстоит, с одной стороны, привлекать капиталы из-за границы для экономической деятельности, а с другой — уметь защищать национальные интересы перед лицом международного капитала. «Вне охранительной национальной политики, русская промышленность и торговля будут захвачены иностранцами. России грозит участь колониальной страны. Многие считают это неизбежным. Мы этого не думаем... Национальная Россия может обеспечить западным капиталистам солидную прибыль и в то же время сохранить за собой руководство народным хозяйством» (с.238).

Либеральная экономическая политика нежелательна. России необходимо восстановить класс предпринимателей. Без него преодолеть отставание от Запада, унаследованное от коммунистов, не удастся. Но этот класс нуждается не только в государственном протекционизме, но и в моральном и духовном воспитании. Формирование его духовного облика нельзя предоставлять стихийным силам.

Г.Ф. рассматривает, кто будут друзья и противники созидания новой России, пишет о правильной постановке отношений между трудом и капиталом, о воспитании профессиональной этики, о новой интеллигенции, о возрождении русского Севера и Великороссии, об остроте украинского вопроса и др. Тогда он еще надеялся, что Украину удастся сохранить в составе России, если в Москве будет к ней правильное отношение. Отмечал он и нестройное многогласие малых народов России, пробудившихся к национальному самоосознанию.

«Мы должны показать миру (после крушения стольких империй), что задача Империи, т.е. сверхнационального государства, — разрешима» (с.253). Главное, чтобы работники культуры, которые будут возрождать духовный облик своих народов, имели общероссийское сознание.

«Поразительно: среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он жалуется на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух — к опасности, угрожающей его национальному бытию» (с.245). Таков печальный итог многовекового выветривания национального самосознания. «Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться в ее черты, вырывать в ее земле закопанные клады» (с.251).

Есть сердце России, и пока оно не перестало биться, нельзя говорить о смерти нации.

Есть лишь один центр для духовного собирания народа. «Есть сердце России, и пока оно не перестало биться, нельзя говорить о смерти нации» (с.282). В Церкви нужно искать те духовные силы, которые воскресят Россию. «Православие оказывается и здесь центральным материком христианского мира» (с.282). Православие — это «абсолютная ценность личности и абсолютная ценность соборного соединения личностей» (с.300). Католичество от этого далеко, но и протестантству православие, по Г.Ф., уже не хочет уступать духовной

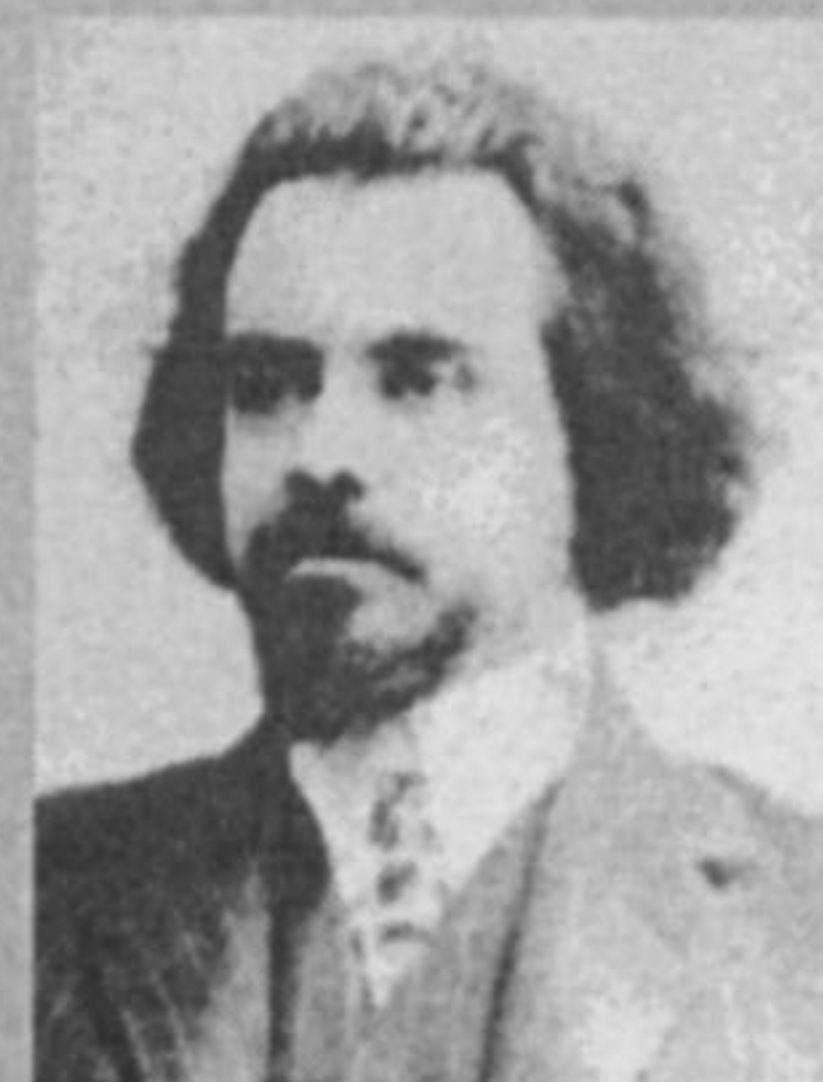
свободы. Из духовной свободы рождаются культурное творчество и социальные свободы.

В Церкви — прообраз соборной общественности. С другой стороны Церковь призвана войти своей творчески-положительной работой в глубины культуры. Наша утопия, считал Г.Ф., это оцерковление культуры. «Оцерковление» вместо того «воцерковления», которое предлагал Флоренский. «Воцерковление» означает, что христианской культуре не быть за стенами Церкви, но не так думали Федотов, Евгений Трубецкой, Сергей Булгаков, Иван Ильин. Г.Ф. сравнил отношения Церкви и христианской культуры с храмом св. Софии и Константинополем: купол св. Софии стоит на стенах, созданных культурой, а вокруг — христианская общественность.

80 лет назад

эти люди готовы были создать
«Лигу русской культуры»:

Лосев А.Ф., Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Федотов Г.П., Струве П.Б., Карташев А.В. И было еще немало других — изгнанных и убиенных. Найдутся ли теперь те, кто сможет и захочет потрудиться?

Церковь должна проникать в творческую работу культуры, но не должна поднимать ее целиком на себя — в конце концов, у Церкви есть и свои более-важные задачи, соответствующие ее назначению на земле. Культура для нее периферийна, но без подлинно христианской интеллигенции не будет настоящей христианской культуры. Интеллигенция же должна свободно организовывать культурные силы нации и заниматься духовным воспитанием нашего искалеченного народа. Это требует единства с Церковью, поскольку Православная Церковь хранит самые чистые и глубокие национальные традиции. Она хранится идеал соборности, который подвижнически нужно утверждать в ответ на внешние вызовы.

В национальной культуре Г.Ф. обращает особое внимание на творческую аскезу, учительство, предание и иерархию. Культуру в России надо в чем-то воссоздать, а в чем-то создавать заново. Нужен новый культурный слой.

Путь — сначала элитарная культура, академии, затем — учителя для учителей школ, а затем — сами школы среди народа. Коммунизм насильственно нивелировал культуру, закрыл высшие источники культуры и распространил низшую; американизация России, если она случится после коммунизма, грозит дальнейшим вырождением культуры, создаст «безвременное и безбрежное Пошехонье» с островками безответственной богемы в столицах. Г.Ф. призывал, вслед за П. Струве и др., создать «Лигу русской культуры» (2), с целью собирания всего национально пригодного для работы в народе и в сотрудничестве с государством.

Школу Г.Ф. понимал как систему гуманитарного образования, создаваемую не по образцам демократии или толстовства и без евразийских ориентализаций. Одна-две элитарных школы должны быть в Петербурге и Москве как «штаб для завоевания Пошехонья» (с.274). Они будут готовить учителей для учителей («религиозно мыслящее учительство», которого, увы, все еще слишком мало), иметь дух вселенского православия и предпочитать греко-византийское наследие: «По нашему глубокому убеждению, греческая школа является единственно верной русской идеей» (с.274). Все наши корни — в Византии, в патристике. Конечно, препятствия будут и со стороны атеистической интеллигенции, и со стороны обскурантистских кругов в Церкви. Не сразу начнется работа над оцерковлением культуры. Но это нужно для возрождения нации.

Долг разумной государственной политики — сохранять и поддерживать высшие формы националь-

ной культуры. Элита нужна, но она не должна превращаться в генералов без армии. Понадобятся и более скромные, смиренные труженики. Пусть элита ясно осознает свое призвание в России и создаст то поле напряжения в культуре, которое побудит многих идти по пути творческого и духовного роста.

Государство из великодержавных интересов должно поддержать элитарную культуру, дать русской культуре вселенское значение. Соответственно, и люди культуры не должны брезгливо и пренебрежительно относиться к государству, а учиться сотрудничать с ним, служить в государстве. «Государство есть форма народной воли, русской воли» (с.278). Государство подлежит оцерковлению, но — в последнюю очередь. Слишком явственна Каинова печать на государстве.

* * *

«Время для нас грозное, тяжелое. Бесчисленные наро-

ды России рвутся к свету, к культуре. Среди всех только великорусская интеллигенция, придавленная, разреженная искусственно, вытесняется с пути национального творчества... Молодое поколение варваризуется и в России, и в Зарубежье. Для него подчас, кажется, не под силу поднять культурную ношу отцов. Но надо не только поднять ее, но и нести дальше и выше, чем умели отцы. Ибо голос времени звучит неумолимо: «Всякое промедление смерти подобно», как говаривал Петр Великий. Наши творческие силы еще не иссякли. Мы верим в наше призвание. Не мириться с мыслью о гибели. Нам нужна лишь школа аскезы — культурной, творческой аскезы, без которой не создаются ни духовные, ни материальные ценности культуры.

Последние слова к христианам, к православным. Нельзя, разумеется, подчинить путь веры путям национальной жизни. Нет ничего гнуснее утилитарно-практического отношения к христианству. Но в православии нам дано религиозное освящение нации. Церковь благословляет наше национальное делание, при условии просветленности его Светом Христовым» (с.183).

Литература:

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб: София, 1991.
2. Тахо-Годи Е., Троицкий В. «Духовная Русь» — неосуществленная религиозно-национально-философская серия. — Вестник РХД, 1997, № 176.

Очерк подготовил Л.И. Василенко

Мы объявляем беспощадную борьбу доктринерам и максималистам, чьим бы именем они ни прикрывались.